

ОРГАНИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВО ПОМОЩЬ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 24 (252) 23 мая 1933 ГОДА.

ЦЕНА 20 к.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

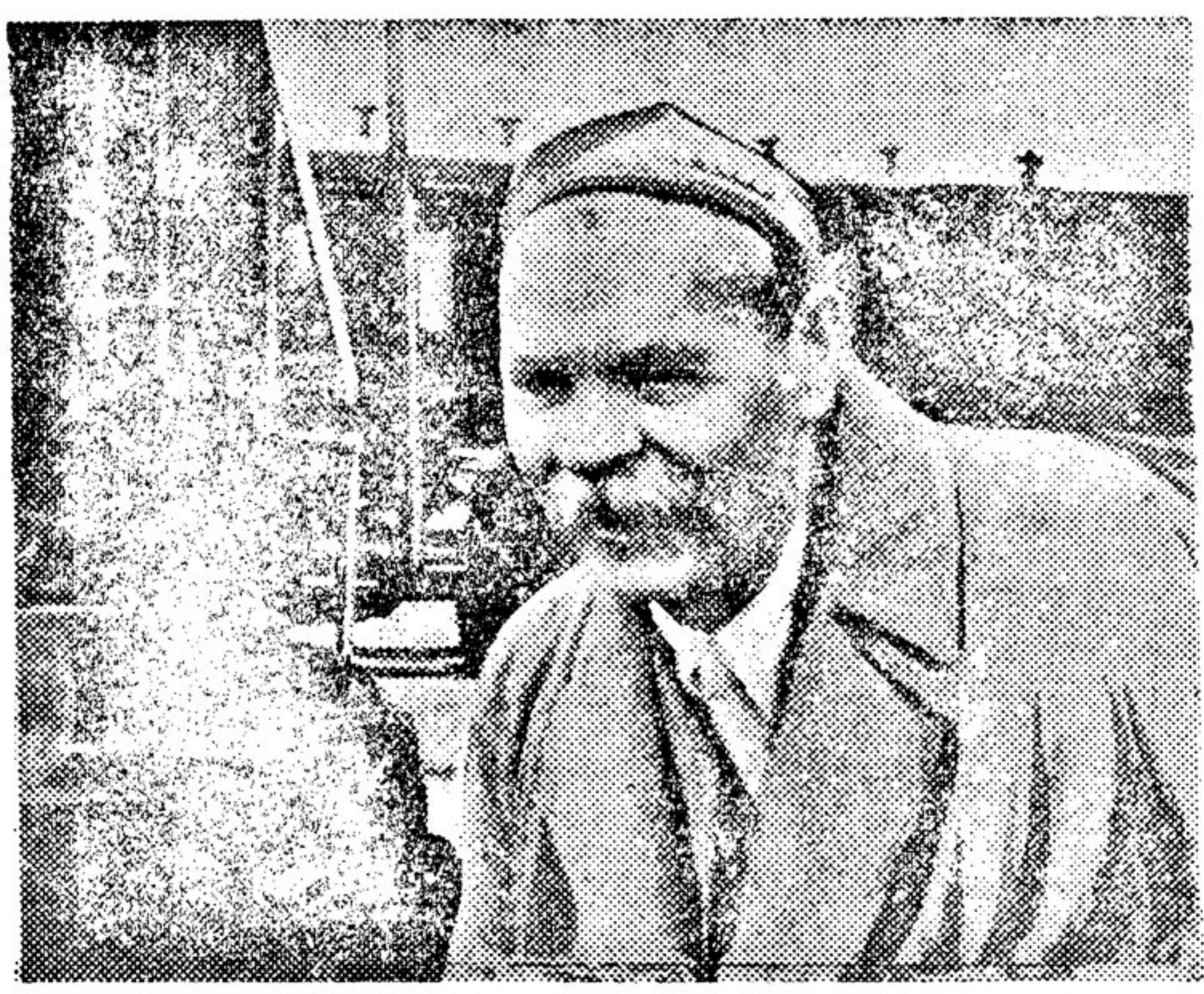
Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского,
И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усевича.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ ПРИЕХАЛ

19 мая в Москву приехал МАКСИМ ГОРЬКИЙ. По пути следования М. Горького в красную столицу (в Одессе, Киеве) любимиго пролетарского писателя встречали и приветствовали многочисленные рабочие делегации, представители партийных, советских, профсоюзных, научных общественных организаций. Делегация советских писателей в составе тт. Ф. ПАНФЕРОВА, В.С. ИВАНОВА, Л. ЛЕОНОВА и П. ПАВЛЕНКО, встретившая Алексея Максимовича на ст. Конотоп, сопровождала писателя до Москвы. По пути в Москву между М. Горьким и делегатами развернулась оживленная беседа на литературные темы.

В Москве 19 мая утром на Брянском вокзале Максима Горького встречали представители партийных, советских и общественных организаций, писатели, артисты, представители советской печати.

Среди встречающих—тт. СТЕЦКИЙ, ХАЛАТОВ, ФАДЕЕВ, КИРПОТИН, СТАВСКИЙ, АФИНОГНЕВ, СИММЕН, делегаты МХАТ

им. Горького—В. САХНОВСКИЙ, НИКОЛАЕВ-ПРИБОЙ, ВЕРА ИНБЕР, Л. ЛЕОНIDOV, П. МАРКОV, СУДАКОV и др.

музыкальным кружком или кружком рисования, как только дело доходит до ликтружка, впадают в ментальные колебания. Оргкомитет совместно с культурдомом ВЦСПС должен раз навсегда решить этот вопрос, устраивая тем самым одну из причин руководством чехарды.

До сих пор не выработаны для кружков точно установленные программы, нет учебников, нет, как пишут с «Авиоприбора», систематической инструктивной помощи.

Революция приводит в движение огромные народные массы, она обостряет их сознание, она направляет силы, оттачивает мысль, волю и чувство, она выделяет из этих народных масс, раньше, в значительной мере, пассивных и обреченных господствующими классами на поддувательское существование, тысячи и сотни тысяч организаторов, воожаков, борцов и строителей, творцов в разных областях деятельности.

О реакционных умниках с их пророчествами смело теперь вспоминать, потому что массовое пролетарское литературное движение уже вылинуло десятка крупнейших писателей, потому, что такие писатели, как Панферов, Фадеев, Шолохов, Безыменский, чьи произведения занимают место на первой линии советской литературы, выражены неопределенно как выдвиженцы рабочих литературных кружков.

Прошлогоднее постановление ЦК от 23 апреля дало решающий толчок развитию массового литературного движения. Дающая группа, беспринципная борьба, которая сделала огромное количество энергии литературных организаций, не могла не быть тормозом и для развития работы литературных кружков. Если в качестве наследства от МАПП осталось в Москве 28 работавших литературных кружков, то теперь Оргкомитет насчитывает их уже

120.

Литературное движение растет, вовлекая новые слои рабочих, рабоче-колхозной молодежи и развиваясь даже на самых далеких окраинах Союза. Казахстан, например, уже имеет 52 литературных кружка. За последний год можно отметить и такие факты, как организация при клубах литературных кабинетов, районные слеты кружковцев (Москва — Красная Пресня, Ленинград — Московско-Нарвский район, слет писателей-шахтеров в Донбассе и появление десятков книг молодых рабочих авторов, книг, изданных Профиздатом, ГИХЛ и другими издательствами).

Но эти успехи ни в коем случае не могут заслонить перед нами тех значительных недостатков, которые имеются в деле организации и руководства массовым литературным движением.

Редакция «Литературной газеты» предложила одному из лучших московских кружков, ликтружку за слова «Авиоприбор», рассказать в газете о своей работе и своих нуждах. Мы печатаем ниже письмо кружковцев, которое они назвали «наши требования». В этом письме много справедливых упреков по адресу Оргкомитета, журнала «Рост», который предназначен целиком для обслуживания массового литературного движения и в адресу «Литературной газеты».

Разве не верно, что на всей работе в этой области литературализм лежит печать кустарницы и в значительной степени случайности? До сих пор продолжается чехарда с кружковыми руководителями, которые часто наезжают на завод только в качестве эпизодических гастролеров. Не всегда урегулирован вопрос с оплатой руководителей московскими библиотеками. Многие заведующие клубами и нужно неустранять и профсоюзные работники, в которых профсоюзные работники, которых никогда не возникает сомнения, движение на заводах и фабриках, следует ли оплачивать руководителя

и к нему со своими «пустынями» литературными делами. На том же «Авиоприборе» некоторые «активисты», рассматривают литературные занятия кружковцев как их частное дело, чуть ли не как баловство.

Нужна постоянная, действенная пропаганда советского искусства; здесь огромна роль критики. Правильно говорят Безыменский, что вместе с писателем на заводе должны работать и критик. Нужна более тесная связь наших писательских кружков с читателем. Необходимо для тщательного изучения читательских запросов, откликов читателя на литературные произведения. В этом отношении заслуживает внимания опыт редакции журнала «Октябрь», которая организовала интересную встречу писателей с читателями.

О ценности достижений национальной культуры, о преданности Советскому соезду мировому пролетариату, проходившей красной нитью через постановки национальных театров, подводя итоги олимпиады национальных театров в 1930 году, писала в своей статье, напечатанной в «Театральном ежемесячнике», Анна-Луиза Стронг.

Связь с предстоящей в конце этого года международной рабочей театральной олимпиадой в Москве правительство помогает всем своим народностям создавать свою культуру.

«Литературная газета» печатает статью Бен-Блэка «Красные театры за работу». Говорят о советском театре, который пишет, что рабочий театр, конечно, достичь пока что наивысшей стадии своего развития в Советском Союзе. Огромная жизненная энергия, высокий художественный уровень засвидетельствован всеми, кто посещал Советский Союз, в том числе даже критически настро-

А. Бубнов

ОБ „ОСНОВНОМ МАТЕРИАЛЕ“ ДЕТСКОЙ КНИГИ

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» помещены важнейшие выдержки из постановления коллегии НКП о детской литературе.

Наряду с целым рядом указаний о путях улучшения детской книги в этом постановлении подчеркнуто значение такой стороны детской художественной литературы, как ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

В постановлении между прочим отмечается, что «в детской литературе почти не ведется борьба за чистоту языка и обогащение его новым словарным материалом высокого по качеству характера» и что «в детской литературе встречаются произведения, прямо или косвенно популяризирующие грубость в выражениях и даже хулиганский жаргон».

И здесь, в работе над художественным словом в детской литературе, коллегия НКП, как в целом ряде других своих предложений, обращается к писателям и критикам, призываю их ближе подойти к школе, к делу воспитания подрастающих поколений, подойти с помощью тех средств, которыми владеет писатель, которые являются особенностью его мастерства, т. е. с помощью, через посредство художественного слова, обладающего таким исключительным богатством выразительности и воздействия на людей, на подрастающие поколения в особенности.

В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на то громадное значение, которое, безусловно, будет иметь статья А. М. Горького «О произведении как основе основного материала литературы». А кое-кто даже и непрочно задумался.

«Основное мое намерение, — пишет Горький, — сводится к желанию помочь начинающим писателям овладеть всю силу языка, возбудить в них любовь и бережное отношение к материала, из которого строятся книги».

Это целиком и полностью относится и к детской книге и к детскому писателю, вообще к писателю, создающему детскую книгу.

Своё «намерение» и свое «желание» Горький реализует прежде всего тем, что выдвигает вопрос о процессе засорения литературы «словесным хламом», который «принимает размеры угрожающие». И ставя этот вопрос, и ставя его таким образом, Горький пишет: «Мы должны добиваться от слова наибольшей активности, наибольшую яркость и выразительность, «канабольшую активность» и «канабольшую яркость» в выражении и в отношении к материала, из которого строятся книги».

Конечно, это имеет громадное значение и для детской литературы, может быть, для нее-то в первую очередь. Конечно, это имеет значение и для школы, так как дети старших групп, уже в той или иной степени знающие художественную литературу (и нашу, и зарубежную), должны знакомиться со словом как «основным материалом литературы», с приемами, способами и средствами художественного языка, чтобы не забыть, не потерять, не утратить, не изгнать это слово из своего языка.

Члены ликтружка завода «Авиоприбор» М. БОГАЧЕВ, Г. ЗАЙЦЕВ, Б. МАКСИМОВ

ляется «основным материалом литературной газеты», помещен важнейшее значение. Оно имеет это значение не только потому, что Горький выдвигает вопрос громадной важности.

Совершенно очевидно, что такое знакомство со «словом», такое изучение «языка» должно вестись в теснейшей связи с идеальным смыслом, с содержанием художественного произведения, в теснейшей связи с изучением художественной литературы. Но не следует упускать из виду, что слово есть «основной материал литературы», что надо обязательно направлять интерес и внимание учащихся к этому «материалу», к тем средствам, с помощью которых художественный язык приобретает «наибольшую силу впечатления».

И с этой точки зрения надо особенно обратить на замечание Горького об «односторонности» нашей критики.

«Я нахожу, — пишет Горький, — что наша критика недостаточно односторонна. Занимаясь почти исключительно преподаванием социально-революционной педагогики, она не учит молодых литераторов «мастерству». Если преподаватель архитектуры ограничивается только преподаванием «строительного устава», он не научит учеников строить. Он должен знакомить слушателей с учением о сопротивлении материала, о добротности, о его болезнях и уродствах и т. д.».

Это прямо-таки, не в бровь, а в глаз тем, кто недооценивает, пре-небрежительно относится, даже со всем вырасывает из поля зрения громадное значение «слова». Ряд крупнейших советских писателей уже начинает вполне подходить к задаче «делать» детские книги, которые являются «орудиями культурного воспитания» подрастающих поколений.

Необходимо, чтобы это начавшееся движение развивалось в рост. Для этого настоящий момент соединился чрезвычайно благоприятными условиями. И одно из важнейших — это предстоящий всесоюзный съезд советских писателей. Развертывающаяся подготовительная кампания к этому съезду должна сосредоточить свое внимание и на вопросе о детской книге, которой надлежит в полной мере стать важнейшим орудием коммунистического воспитания миллионов детей пролетарского государства, столь мощное и столь убедительное выступление А. М. Горького в защиту «слова», которое явилось для насущного для нас языку как материалу».

Конечно, это имеет громадное значение и для детской литературы, может быть, для нее-то в первую очередь. Конечно, это имеет значение и для школы, так как дети старших групп, уже в той или иной степени знающие художественную литературу (и нашу, и зарубежную), должны знакомиться со словом как «основным материалом литературы», с приемами, способами и средствами художественного языка, чтобы не забыть, не потерять, не утратить, не изгнать это слово из своего языка.

Члены ликтружка завода «Авиоприбор» М. БОГАЧЕВ, Б. МАКСИМОВ

Г. Гюнтер

Воина фашистов с книгами

Очистка библиотек от всех книг, нежелательных теперешним властям Германии, и их публичное уничтожение вызвали, как исключительно яркий пример фашистского культурного варварства, особенно много внимания.

Поэтому интересно отметить здесь некоторые детали этой войны с книгами и увековечить позор национал-социалистов.

В первые два месяца гитлеровской диктатуры истребительный поход на литературу велся более или менее неорганизованно и несистематично; по существу он распался на ряд ничем друг с другом не связанных, чисто случайных действий. То здесь, то там громили, закрывали или занимались книжными лавками, народными и частными библиотеками и т. д. На каких-то книгах было распространено гонение, какая судьба должна была быть им постигнута, зависела исключительно от случайности.

В первые же дни из Бреславля от имени гитлеровской администрации было издано специальное декретом для народных библиотек и Альфреда Доблина должны быть закрыты все «валентинки».

Когда-то столь «демократическая» и «антифашистская» «Берлинер Тагеблатт» не нашла никакого сочувствия в этом открытии.

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

«Мерилла для составления черных списков литературы политического характера. Решающим для них является ответ на основной, необходи-мый для каждого политического решения предварительный вопрос: что является врагом? против кого ведется борьба? Борьба ведется против явлений разложения наших воров, против негерманского духа, начавшегося с «антисемитским» и «леворадикальным».

О ПЬЕСЕ В. КИРШОНА „СУД“

Тема пьесы т. Киршона «Суд» большая: единство рабочего класса. Раскол в германском рабочем классе, который привел к временному поражению пролетариата, — одна из величайших исторических трагедий современности.

В нашей стране и далеко за ее пределами с огромным вниманием и напряжением следят за тем, что происходит в фашистской Германии. Локладчики, если он членорасположен, умеют рассказать о том историческом узле новых революционных битв и войн, все туже и туже затягивающемся стране, которую когда-то называли «страшной мыслителями и поэтами», — обесценив внимание любой рабочей аудитории. Боеное крещение коммунистической партии Германии, ее несмогла на жестокий террор, сохранила и высоко держит знамя революции именно потому, что она была и остается единственным борцом против фашизма.

Писать в 1932 году пьесу на такую тему, как «Суд» — о борьбе с предательской социал-демократией, которая помогала Гитлеру притянуть к власти, и ухитриться обойти фашизма — это значит извлечь историческую перспективу. Этого рода однозначность драматурга мистит его произведениям, подобно просветам в пьесе про строительство здания. В этом гордизне обвалов, вызванных этическими схемами или недочетами.

Но этим не исчерпываются причины недостатков «Суда». В образе Маурера автор хотел, очевидно, показать, каким образом восстанавливается единство рабочего класса. Но мотивы, почему Клаус Маурер в последнюю минуту отходит от своей партии, неясны. Что на него подействовало? Убийство Эриха? Нет. Он уже после убийства подписал ложный протокол, составленный полицейским. Конечно Клаус не мог не знать, что его партийные товарищи являются руководителями полиции. (Берлинская полиция, и не только она одна, была долгие годы филиалом социал-демократии). Что в конечном итоге повлияло на Маурера? Где та капля, благодаря которой количество перешло в качественное? Очевидно, на него подействовало болезнь его младшей дочери. Что же, и это хорошо. Но мало, müssen машинально для фильма большой трагедии. Это, во первых.

А во-вторых, вся эта философия малых и больших дел представляется в пьесе довольно сухо, схематически и неверно. Разве коммунисты не занимаются малыми делами? Разве они не организуют забастовки? Вспомним германские забастовки в Руре, берлинских трамвайщиков, организованные и возглавляемые коммунистической партией Германии. Разве коммунисты не дрались за малые дела, чтобы довести до больших дел революцию? Разве отчаяние не рождает «большие дела» контролеров? Посмотрите, как бояр, отчаявшись, напились баварского пива, бушует в Германии... Этим и характерем нынешней этапа обостреннейшей классовой борьбы в Германии, что «большие дела» контролеров противостоят противостоят большому делу пролетариата. Фашисты несут мир новые войны и разрушения, а социал-демократы им помогают в этой работе. Не только о малых делах, да еще в таком упрощенном трактовке, следовательно, идет речь.

В «Суде» многие большие проблемы сплющены и сведены до довольно наивного и своеобразного «экономизма». Между тем в Германии пересекаются пути большой международной политики умывающего капитализма и международной пролетарской революции. Очень многое из этого осталось в полях зрения страстей, чувств, действий героев пьесы. Вот одна из причин анекдотичности «Суда».

Тот, кто этого не понимает, не может с большой силой и правдивостью изобразить революционную борьбу коммунистов с социал-демократами, за отвоевание рабочих масс, которые за них еще идут.

Кто говорит, например, в пьесе о фашизме? Социал-демократический юрист, редактор Зольдтке, говорит Рудольфу, кандидату местной коммунистической организации на выборах: «Снимите свою кандидатуру на выборах. Отгадан все голоса Клауса и победим! (Рудольф усмехается). Иначе может пройти полковник Герц. Вдумайтесь! Одни голоса у Клауса, не голосует ли вы за фашистского кандидата? Конечно, автор понимает, что это трикотаж: социал-демократы говорят о «единстве», а их проводники, их политика стреляют в рабочих. Но ведь разоблачение врага на сцене вовсе не заключается в том, чтобы воспроизвести все его лживые аргументы в пьесе, ограничиваться подтверждением из-за кумиляции: смотрят, мол, какой он прохвост. Многие зрители могут тем не заметить подтверждения благодаря тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

чайных декретов, против национализма и шовинизма».

Гинденбурга, а коммуниста — за портного рабочего Тельмана. Но не в этом, конечно, дело.

Немощность Рудольфа, несомненно, происходит от того, что автор как художник многое не видит. Если бы он с большой исторической перспективой мог раскрыть проблему фашизма и коммунизма в конкретных условиях Германии, через глубокие страсти, большие чувства, столкновения людей — характеров, он поднял бы пьесу на большую высоту. И материал пьесы очень выиграл бы от этого. Бред отчаявшейся мелкой буржуазии, которая наступает самогоном на собственное горло, фашистские шуты на троне, — сколько здесь края для шекспировизации драматического произведения!

Недостатки «Суда» заключаются не только в том, что там нет. Ибо вследствие этого то, что там есть, тоже имеет недостатки. Хорош бы автор, скажем, повести о любви, который бы, например, упустил из виду существование женщины.

Но этим не исчерпываются причины недостатков «Суда».

В образе Маурера автор хотел, очевидно, показать, каким образом восстанавливается единство рабочего класса. Но мотивы, почему Клаус Маурер в последнюю минуту отходит от своей партии, неясны. Что на него подействовало? Убийство Эриха? Нет. Он уже после убийства подписал ложный протокол, составленный полицейским. Конечно Клаус не мог не знать, что его партийные товарищи являются руководителями полиции. (Берлинская полиция, и не только она одна, была долгие годы филиалом социал-демократии). Что в конечном итоге повлияло на Маурера? Где та капля, благодаря которой количество перешло в качественное? Очевидно, на него подействовало болезнь его младшей дочери. Что же, и это хорошо. Но мало, müssen машинально для фильма большой трагедии. Это, во первых.

А во-вторых, вся эта философия малых и больших дел представляется в пьесе довольно сухо, схематически и неверно. Разве коммунисты не занимаются малыми делами? Разве они не организуют забастовки? Вспомним германские забастовки в Руре, берлинских трамвайщиков, организованные и возглавляемые коммунистической партией Германии. Разве коммунисты не дрались за малые дела, чтобы довести до больших дел революцию?

В «Суде» многие большие проблемы сплющены и сведены до довольно наивного и своеобразного «экономизма». Между тем в Германии пересекаются пути большой международной политики умывающего капитализма и международной пролетарской революции. Очень многое из этого осталось в полях зрения страстей, чувств, действий героев пьесы. Вот одна из причин анекдотичности «Суда».

В «Суде» многие большие проблемы сплющены и сведены до довольно наивного и своеобразного «экономизма». Между тем в Германии пересекаются пути большой международной политики умывающего капитализма и международной пролетарской революции. Очень многое из этого осталось в полях зрения страстей, чувств, действий героев пьесы. Вот одна из причин анекдотичности «Суда».

Так, кто этого не понимает, не может с большой силой и правдивостью изобразить революционную борьбу коммунистов с социал-демократами, за победу германской пролетарской революции? Чем разорвутся между напряжением, с каким зритель до спектакля, скажем, читал в газете о Германии, и с тем, как он смотрит пьесу.

Да, события в Германии за последние времена далеко вперед. Это несомненно. И мы отнюдь не предлагаем писателям включать последние известия в свои литературные произведения. Мы отнюдь не предлагаем т. Киршону, чтобы он обязательно включил в пьесу сцену о том, как Геринг, обвиняясь со своими провокаторами латинским языком эпохи Нерона, организовал подлог рейхстага; как Геббельс инсценирует средневековые на площадях больших немецких городов или как Розенберг реагирует центральной помойкой яму националь-социалистической партии.

О нет! Мы этого не предлагаем. Мы знаем, что пьеса была написана в прошлом году, да фашистского переворота. Но именно поэтому приходится удивляться, почему в пьесе нет фашизма. Нет героя, кроме борьбы коммунистов с фашистами, нет грозы надвигающихся событий.

Фашизм ведь не свалился с неба. Напомним, например, резолюцию прошлогоднего XII пленума ЦКИК, где между прочим говорится о задаче компартии Германии:

«Мобилизовать миллионы масс для защиты националь-социалистической партии от кризиса, от которого она до последнего момента надеялась спастись, сидяющую на своем золоте, благословляемую церковью и защищаемую армией, бравящую оружие».

Фашизм, например, Рудольф, ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я думаю, что нужно без остатка отдать себя своей нации. Не может тем не заметить подтверждения благородия тому, что в «Суде» социал-демократ Маурер ходоком более полонирован, чем коммунист Рудольф. (Кстати, историками было так, что на больших, решавших в известной мере выборах социал-демократия не проповедовала «своего» рабочего класса. Согласно, например, Рудольфа. Схеме. Декламируя цитатами, движется на ходулях. Образы мещанства, языка и страшно революционной Берты — лубочная. Заграниценные комсомольцы вовсе не являлись фельдмаршалом фон-

Берта, а коммунист — за единство рабочего класса. Германский рабочий класс, который недавно удалось применить у издателя Грасе систему «счета авторов» и который теперь заявляет в «Литературных новостях»:

«Я думаю, что великий государственный человек всегда прост, «элементарен» и мудр. Я д

Встретим с'езд писателей развернутой творческой дискуссией

о. Брик

НАШИ ТЕЗИСЫ К ВЫСТУПЛЕНИЯМ НА С'ЕЗДЕ

Самое главное

Перед советской литературой стоит огромная задача. Советским писателям предоставлены неограниченные возможности. Все к их услугам. Фабрики, заводы, совхозы, колхозы, академии, научные институты, правительственные, партийные, профсоюзные организации, пароходы, паровозы, самолеты — все готово помочь писателю в его работе. Работай!

А между тем далеко не все и даже не в полной мере осознали огромность стоящей перед ними задачи. Смысла любовного внимания, которым окружен советский писатель.

Многие думают, по-старинке, что дело писателя — цветы и благоухать, радуга глаз и обоняние окружающих радугой своих лепестков с ароматом своих тычинок. И чем не привлекательней «естественность» он будет благоухать, тем это будет лучше, — тем больше будет ему оказано любви и внимания.

Это ошибка.

Советский писатель — не цветок на полянке, а ударный работник на одном из ответственных участков фронта классовой борьбы.

Звали удальников в писатели, — пора позвать писателей в ударники.

Задача советского писателя — вооруженным словом бороться за победу социализма у нас и во всем мире.

О социалистическом реализме

Социалистический реализм — не научный термин и не какой-то новый «жанр» наряду с существующими жанрами. Социалистический реализм — это предложение писателя не залечить за облака, не блуждать по дебрям экзотики, не тонуть в глубинах человеческого подсознания, а твердо стоять на ногах и видеть перед собой не миражи, не придуманные фантазирующим сознанием, а реальные события, реальные вещи и реальных людей.

И затем: вся эта реальность, все эти реальные вещи, люди и события должны быть основаны на беспристрастии рефлектирующим сознанием, а боевым сознанием активного борца за социализм.

В этом смысл и значение лозунга о социалистическом реализме.

Тот не советский писатель, кто этого лозунга не прием. Тот не советский писатель, для которого реальность заслонена испарениями его индивидуально-запертого сознания. Тот не советский писатель, кто воспринимает существующее вне борьбы за социализм.

Но ни в какой мере лозунг социалистического реализма не предопределяет тех конкретных творческих методов, которыми так увиденные и понятые вещи, люди и события могут быть наиболее выразительно показаны и рассказаны.

Грубейшая ошибка — сводить руководящую литературно-политическую директиву к пустым разговорам о «жанрах», о «стилях», о «композициях» и прочим никчемностям из старых учебников теории словесности.

Социалистический реализм — это основная установка всякого советского писателя, не рецепт для написания повестей и рассказов «в стиле социалистического реализма».

Социалистический реализм предполагает величайшее многообразие творческих путей, потому что многообразна реальность и многообразны конкретные задачи, которые стоят перед писателем, когда он принимается об этой реальности рассказывать. И нелепо было бы с совершенно другим языком, другим

высказывать все это многообразие в рамках одного жанра или стиля.

И разве гротеск Гоголя не такой же реализм, как размеренное повествование Тургенева? Разве фантастика Свифта не такой же реализм, как и педантическое правообразование Золя?

Тот, кто продолжает мыслить о литературе категориями старой художественной теории словесности, ничего не поймет в проблематике советской литературы, тот никогда не поймет, что такое социалистическое.

О вечном и злободневном

Многие писатели беспокоятся, что произведения их не долго проживут, что они однодневки. И пытаются всяческими средствами помочь этой беде. Сработать на вечность.

Обычное средство — это подавление уйти от аллюзивности, взять тему «общей», «повечней».

Средство это никуда не годится. Оно дает обратный эффект.

При прочих равных условиях выбирают то литературное произведение, которое в момент появления на свет было максимально злободневно.

Примеры тому можно найти сотнями в истории всемирной литературы.

Секрет вечности не в вечных темах, а совсем в другом.

Всякое явление, всякое событие, о котором пишет писатель, существует в развитии. В нем заключено и его прошлое, и его будущее. Тот писатель, который видит явление, событие в неподвижности, в его сущности, тот увидит его под итогенным днем, тот увидит его под другим, кроме как об этом прошлое рассказать не сумеет. И произведение его отойдет в прошлое, прежде даже чем появится на свет (см. «Суд» Киршиона).

Если же писатель увидит в явлениях, в событиях его завтрашний день — то, что еще даже еле заметно, — тот сумеет рассказать о том, что захватывает и заставляет в полной мере тогда, когда это завтра, это будущее наступит.

Чтобы добиться вечности, надо проникнуть в глубочайшее внутрь совершающихся сегодня событий и безошибочно понять смысль происходящих в них процессов. А все написанное по уже подсчитанным и подтвержденным отчетам неизбежно пропустит вместе с этими отчетами в архив, как бы не была там машина, как бы блестящие не было склонности ориентироваться в обстановке взятой на себя задачи.

Но многие из наших писателей никаких задач себе не ставят, поэтому и не ощущают железной необходимости новаторства. А оттуда итогом не хочется. Отсюда беспринципное гадание, капризы, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

О формализме

Ругают формалистов. И правильно, что ругают. Но кто такие формалисты?

Формалисты — это все те, кто отдает методы оформления материала от самого материала и от его конкретного назначения, который, этот, так оформленный, материал имеет.

Формалисты все те, которые отделяют форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

О творческих обединениях

Литературные группировки, сложившиеся в первоначальный период роста советской литературы, постепенно изживали себя. Первой самораспустилась группа ЛЕФ, последней была распущена группа националистов.

Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые производят подобную операцию со всеми так называемыми классиками?

Формалисты — это все те, кто отдает методы оформления материала от самого материала и от его конкретного назначения, который, этот, так оформленный, материал имеет.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Формалисты все те, которые отдают форму Пушкина от пушкинской тематики, от пушкинского языка и от тех целей, которые себе ставят. Старые группировки, погоня за новинкой и никому не нужное, мусорное трюкачество.

Творческая дискуссия до сих пор еще не развернута достаточно широко. Помещая в порядке обсуждения статьи тт. Асеева, Брика, Нирсанова и Наталяна, редакция призывает поэтов, драматургов, прозаиков и критиков принять участие в дискуссии по вопросам советской литературы

В. Наталян

БЫТ и ТВОРЧЕСТВО

Есть у нас беллетристы, которые пишут романы, никому не нужно и никакой ценности в человеческом обиходе иметь не может. Это уже не револьвер, а кусок металла, имеющий вид револьвера. Это не дом, это сооружение, похожее на дом. Это не повесть, а словесный комплекс, о чём не повествующий и только приоткрывающий повесть. Писатели, которые толкуют о форме, никому не нужно и никакой ценности в человеческом обиходе иметь не может. Это уже не роман, а вспышка, с которой они впервые выступили в советской литературе. Так, лучшая вспышка Олеша до сих пор считается «Зависть», лучшая вспышка Чехова — «Кости Рябцева», в Гладкова — «Семеном», в Веселовом — «Партнёрами» и рассказы первых лет, в Бабеля — «Конарами» и т. д.

Годами писатель пишет романы, которые выводят автора в этой книге» («Красная лягва»), декабрь 1932 г.).

Вс. Иванов совершенно прав. Именно в отсутствии запаса знаний, интересов, — обязательное условие для каждого стихотворения — «Советский паспорт Маяковского» — блестящий пример агитационного стиха и в то же время настоящих неудач. Писатель пишет уже о гражданской войне, механизмах изъятия чужих мемуаров «Гибель Железной», он бросается в пренебрежение тайнами подсознательного, «философствует» в трех алманахах, где бы писалось скопом эти не находящиеся в пристанища произведения. Однажды вспомнился мне писатель, чей роман «Быт и Творчество» — это настоящий листьями на крыше, в котором нет ни единой строчки, в которой бы не было ясно, что это — это не роман, а писатель пишет о том, что он знает?

На первом плане оргкомитета Вс. Иванов сделал очень любопытное признание:

«Когда я писал свою первую вещь, у меня было огромное поле наблюдений — то, что я видел, происходящее в Сибири, гражданская война.

Но если такого «запаса знаний и наблюдений» у писателя нет, если он интересуется, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Писатель должен знать больше, чем читатель, лучше его видеть, читать его чувствовать! Тогда он интересен, тогда он полезен. Этим он только приворачивается, что «это знает», то его литературная

работа неизбежно превратится в спектакльную игру с первоначальными показателями, не достичь которых невозможно.

Пис

